

¹¹ См.: Кузнецова И. С. Кантова «вещь в себе»: о некоторых предполагаемых истоках и аналогиях//Кантовский сборник. 1985. Вып. 10. С. 18—19.

¹² Но никакого отличия не видно у Канта между противоположными «вещи в себе» и «ноумену» понятиями «явление» и «феномен» (у М. Хайдеггера отличие это есть, и оно очень важно, но уже в совсем ином смысле).

¹³ Этот результат, как следует из контекста, Л. А. Калинин хорошо видит, и, по-видимому, этим обстоятельством вызвано то, что он «расщепляет» понятия бога и бессмертной души как вещей в себе на два вида: в одном из них вещь в себе как бы «поглощается» своим ноуменом как бессодержательным понятием, так как перед нами фикция традиционной спекулятивной метафизики, и «испаряется» сам ноумен, а в другом — ноумены все-таки сохраняются как постулаты-предположения «Критики практического разума», за которыми может вообще не скрываться никаких реальных вещей в себе и в значении (3).

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 210.

¹⁵ Нарский И. С. О роли «вещи в себе» и «ноумена» в кантовской гносеологии. С. 20. Под «менее» агностическими значениями мы имеем в виду (1) и (4) значения «вещи в себе». Разумеется, надо учитывать отмеченный выше особый характер значения (3).

¹⁶ См.: Нарский И. С. Кант и религия//Кантовский сборник. 1983. Вып. 8. С. 3—12.

Категории и предикабилии: Кант и современность

Л. А. Калинин
(Калининградский университет)

Подлинным кладезем плодотворных и перспективных идей является философское творчество Иммануила Канта: на протяжении вот уже двух столетий черпают из него «живую воду» (не убывает, правда, и количество попыток извлечь «мертвую») философы различных направлений и оттенков. Диалектический материализм, по признанию самих творцов его, не является здесь исключением.

Могут сказать, что для создателей диалектического материализма это вполне естественно: с того исторического момента, когда активно строилась «критическая» философия, и до создания философии марксизма не прошло и полстолетия; что усвоение общественным сознанием философских концепций и сейчас не осуществляется одновременно с их созданием, тем более такой временной разрыв характерен для прошлого... В первой трети XIX века влияние кантианства было огромным, и не только в Германии, — во всех сопредельных странах. Но сейчас-то, по прошествии почти двухсот лет, когда только философами-марксистами написаны о Канте сотни книг и статей, прокомментированы его тексты вдоль и поперек, что нового, а тем более полезного для нашего времени можно извлечь из писаний кенигсбергского старца? Не будет ли занятие ворошить его полуистлевшие страницы вернейшим средством ухода от нужд и запросов сегодняшней нашей жизни, от требований, предъявляемых современной

наукой, без которой общество ныне не может ступить и шагу, к философской методологии, ее теоретической мощи и «разрешающей» способности?

Вопросы чисто риторические! Общественная жизнь всегда конкретна, а «конкретное в его полноте»¹ так или иначе вбирает все предшествующее и определяет все последующее. Для любых оттенков нынешнего состояния общественной философской мысли, для любых нынешних проблем не только могут, но должны быть найдены в этом конкретном их истоки, не нашедшие в своем собственном бытии возможностей для развертывания и полной реализации своей сущности. Эвристическую значимость этих «подсказок истории» трудно переоценить: здесь наша субъективная мысль сталкивается с субъективностью предшественников, обнаруживая и свидетельствуя об объективности направления поисков.

Разумеется, весьма сложной задачей оказывается, как правило, выбор того исторически конкретного мыслительного материала, что с максимальной полнотой поможет обеспечить решение стоящих перед нами сейчас теоретических проблем. Например, в поставленной ниже задаче можно отправляться и от аристотелевского понимания предикабилей, а не только от Канта; хотя совершенно ясно, что без Канта такая возможность опереться на идеи Аристотеля носит достаточно абстрактный характер: ведь современный исследователь должен при этом был бы, углубляясь в историю мысли, усмотреть истоки злободневных проблем в материале, который за истекшие века или даже тысячелетия претерпел не один этап качественных преобразований и трансформаций, должен был бы ретроспективно эти скачки теоретически восстановить и на фактическом материале верифицировать. Здесь всегда будет играть свою важнейшую роль эрудиция исследователя, более или менее случайные обстоятельства приобретения им той или иной информации.

В. И. Ленин считал, что история философии — первая и важнейшая из областей знания, служащих источником развития и всестороннего совершенствования теории познания и диалектики². Сам он обратился к истории философии в ситуации, когда революционные процессы в науке потребовали не менее революционной модернизации философии. История эта все еще таит в себе массу положительных возможностей, и, видимо, исчерпать их до конца вряд ли когда-либо удастся, «ибо мы никогда не познаем конкретного полностью»³.

В этой статье мы хотим, во-первых, рассмотреть Кантову идею различения предикаментов (категорий) и предикабилей (производных от категорий понятий) как два различных уровня априорных трансцендентальных понятий чистого рассудка, а во-вторых, наметить возможные пути применения этой идеи к совершенствованию диалектико-материалистической логики. Указанная идея, как это ни странно, не привлекала к себе долж-

ного внимания ни историков философии, ни теоретиков диалектической логики, хотя нельзя сказать, что они не касались ее абсолютно⁴.

Относительно одномерности философии. Главное достоинство идеи различения категорий и предикабилей заключается, на наш взгляд, в том, что с ее помощью могут быть преодолены представления об одноуровневости, которую можно еще определить и как плоскостность, диалектической логики и даже вообще философии. Указанная плоскостность заключается в том, что все достояние философии сводится единственно к одним ее категориям. Среди всего разнообразия понятий, так или иначе представленных в сознании, философскими понятиями *sui generis* считаются только категории философии. В своей гипертрофированной форме плоскостность состоит в следующем: специфически философскими рассматриваются лишь такие высказывания философских или иных текстов, в которых непосредственно, в эксплицированном виде, употреблены философские категории. Все остальные высказывания текста — уже не философские (специально-научные, или относящиеся к другим формам сознания, или обыденные); а об общем философском характере текста можно судить, скажем, лишь по относительной частоте встречающихся в нем высказываний первого рода.

Эта гипертрофированная форма, разумеется, крайность (хотя и не исключается ее встретить на деле), идеализация самой тенденции к оплощению философии, преднамеренно сконструированная нами в целях объяснения самого феномена одноуровневости. Реально этот феномен существует в несколько более ослабленном виде, поскольку считается, что философским будет такой текст, в котором не только относительно часто употребляются философские категории в непосредственном понятийном виде, но и из остальных частей такого текста специалист сравнительно легко извлечет категориальные соотношения как основной предмет его.

Хорошо известные попытки создания систем философских категорий могут быть показателем отмеченной плоскостности: все системы без исключения строятся из категорий как равнозначных, одноуровневых элементов, философские понятия развертываются на едином для всех уровне — уровне предельно допустимой абстракции. Правда, и количество категорий, и их конкретный набор, как правило, не совпадают у разных исследователей, строящих свои системы в довольно широких пределах: иногда одни системы превышают другие в несколько раз. Конечно, нельзя не учитывать того факта, что в одних случаях строятся системы категорий диалектики или диалектической логики⁵, а в других — системы категорий диалектического материализма в целом⁶. В одной из последних книг на тему о систематизации категорий высказывается, казалось бы, важное

положение, что, «если оперировать только категориями, не удастся обнаружить многих взаимосвязей, без установления которых нельзя строить упорядоченную систему. Выход видится в том, чтобы оперировать не только философскими категориями, но и другими словами, связанными с категориями по смыслу или по отношению к тем областям реальности, которые они отражают»⁷. И тем не менее, даже не обращая внимания на искусственность большинства предлагаемых построений, можно констатировать, что понятия в них представляются однопорядковыми с категориями, не отличены от них ни по каким параметрам.

Чуть ли не единственная попытка преодолеть отмеченную плоскостную ограниченность, осуществленная В. И. Черновым и направленная к тому, чтобы различить философские понятия и категории⁸, причем среди философских понятий выделить такие, которые более общи, чем категории, и такие, которые менее их общи, не имела продолжения и развития. Произошло это не без воздействия того факта, что в одних случаях, когда явные философские категории (вещь — свойство — отношение, например) представлялись понятиями и выводились за пределы категорий, вопрос об их различии увязал в логических кругах; а в других, когда в качестве отличных от категорий понятий рассматривались их языковые синонимы, дело, естественно, ограничилось тавтологиями и перифразами. Однако незначительность полученных результатов не снимает правомерности постановки самой проблемы: какими еще средствами, помимо категорий, располагает философия, сколь богат ее мыслительный арсенал?

Ясно, что ничем должна была закончиться попытка найти такие понятия философии, которые были бы более общи, чем предельно общие из содержательных понятий — категории. Здесь достигнут предел абстрагирования, которое еще не порывает с содержательной стороной мышления. Дальнейшие попытки абстрагирования разрушают содержание мысли, и в лучшем случае сохраняется лишь видимость такового. Правда, все еще приходится сталкиваться с мнением, что философские категории (в частности, категорию «материя») можно определять традиционным для логики способом, т. е. через ближайший род и видовые отличия, используя для этой цели в качестве родового, а значит, и более широкого по объему, понятия понятие «бытия вообще» (существования, реальности, действительности, мира в целом, вселенной как целого — все это стилистические синонимы к понятию «бытие»). Однако вследствие того, что понятие «бытие» абсолютно бессодержательно и неопределенно, с его помощью нельзя выполнить никаких определений, не попадая в ситуацию логического круга. В литературе этот вопрос обсуждался неоднократно и нашел убедительное и вполне однозначное решение⁹.

Понятие «бытия» — это совершенно специфический, вырожденный случай понятия, представляющий своего рода идеализацию: будучи полностью лишенным содержания, оно обладает беспредельно широким объемом. Вернее, содержание его сведено исключительно к мысли о его объеме, т. е. содержание и объем этого понятия отождествлены. С его помощью мы не способны ничто выделить, ничто от ничего отграничить.

Категории по сравнению с понятием «бытие» обладают минимально возможным содержанием: все их содержание сведено к единственному отношению — отношению к «своему иному», своим собственным противоположностям, то есть антиномичным категориям. Вот почему фиксация их содержания есть одновременно операция их определения. Все содержание категории «материя», например, заключено в отношении первичности к сознанию, а содержание категории «сознание» заключено в отношении вторичности к материи.

Со времен Канта существует мнение, что взаимоопределение категорий, представляющих собой тождество взаимодействующих противоположностей, включает в себе круг в определении, что его в данном случае не избежать, так как это вполне естественно. К примеру, «возможность, существование и необходимость нельзя определить иначе как через очевидную тавтологию, если задаваться целью почерпнуть их дефиницию из чистого рассудка» (3, 304), — пишет Кант. И все дело заключается в том, что речь здесь идет о логических отношениях как чистой форме, абсолютно лишенной какого-либо эмпирического содержания: волей-неволей установить значение категорий можно только через их взаимное сопоставление. Отсюда, кстати, Кант делает вывод, что категории как «чистые рассудочные понятия могут иметь только эмпирическое, но никоим образом не трансцендентальное применение...» (3, 305), поскольку при взаимодействии с эмпирическим материалом категории лишаются самодовлеющего смысла, наполняются содержанием и появляется реальная возможность избежать ситуации *idem per idem*, чего нет и не может быть при сохранении трансцендентальности.

Однако Кант ошибается, считая, что в лице категорий он имеет дело с абсолютно бессодержательными понятиями чистых логических форм, — содержание категорий предельно абстрактно, но оно есть и сведено к единственному отношению. При определении категорий через это отношение к противоположной категории (именно через отношение) решающим логическим требованием можно считать такое, где данное отношение не принадлежало бы к классу эквивалентных отношений, то есть не характеризовалось бы симметричностью, рефлексивностью и транзитивностью одновременно. Отношения, выражающие взаимосвязь категорий, как правило, или асимметричны, или анти-

рефлексивны. Отношение первичности материи к сознанию, например, хотя и рефлексивно, но асимметрично, то есть определение с его помощью не содержит в себе круга. Наша позиция в данном вопросе восходит к идеям И. С. Нарского, а также А. И. Умова, который пишет об определении философских категорий (на примере категорий «материя» и «сознание»), что «определение последних друг через друга является единственно возможным определением для предельно общих понятий. Но само отношение коррелятивности является тем, что в известной мере предотвращает отрицательные последствия круга в определении»¹⁰.

Разумеется, помимо бинарных категорий, философия располагает широким рядом тернарных. Что касается Канта, то он выделил лишь тернарные классы категорий, из которых только некоторые динамические категории имеют соответствующие корреляты, образующие пары. Например, из категорий модальности таковы «необходимость — случайность», из категорий отношения — «причина и следствие» или «субстанция — акциденция». Данные корреляты представляют собой элементы тернарных классов.

Тернарные классы, помимо пары противоречащих категорий, содержат еще категорию синтетической природы, и если первые две образуют тезис и антитезис, то третья категория образует их синтез. Кант справедливо настаивает, что, хотя «третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категории того же класса, ...не следует, однако, думать, будто третья категория есть только производное, а не основное понятие чистого рассудка. Это соединение первой и второй категорий, образующее третье понятие, требует особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории» (3, 178).

Определение тернарных категорий в принципе не отличается от процедур, применяющихся в случае парности категорий. Используемый прием А. И. Умов назвал принципом «тернарной противоположности». Он, этот принцип, сводится к тому, что любая из тройки категория определяется через отношение к двум другим¹¹. Так, категорию «качество» мы можем определить только с помощью отношения ее к категориям «количество» и «мера». Аналогичным образом с соответствующими изменениями определяются и эти последние коррелятивные качеству категории. И в случае с тремя понятиями отношение, которое существует между категориями, не должно быть (и не является) отношением эквивалентного типа: отношения между категориями, как бинарными, так и тернарными, характеризуются, как правило, асимметричностью.

Однако от проблемы определения философских категорий пора вернуться к основной линии наших рассуждений — более абстрактных и в то же время содержательных понятий, чем

категории философии, нет и быть не может. В них достигнут предел допустимой абстракции и допустимого обобщения.

Движение же в направлении конкретизации философских понятий такой границы не имеет; нет таких принципиальных препятствий, которые не позволяли бы философии, не теряя ее философского статуса, погружаться в более конкретные области соотношения бытия и сознания. Категории философии — это как бы поверхностный слой сцепленных силами натяжения супермолекул сознания. Они задают целостность капле, если все содержание сознания представить в виде такой простой физической модели. Супермолекулы-категории лишены возможности оторваться от поверхности, улетучиться, но зато ничто не мешает им конструировать из своих элементов понятия-щупы, погружать их в глубину капли и с их помощью структурировать в ней своеобразные домены, относительно упорядоченные системы понятий.

Роль таких понятий-щупов, на наш взгляд, и играют предикабилии. То, что эта роль предикабилией не видна «невооруженным» глазом (именно в таких случаях и нужны исторические «очки» — глубокое и всестороннее знание историко-философского мыслительного материала), имеет следствием одно важное обстоятельство, а именно: затрудняется понимание функциональных ролей философии во всей системе научных знаний и в целом в общественном сознании. Непонятно, как выполняет она свои методологические функции, не используя никаких приводных механизмов и не спускаясь со своего «седьмого неба» предельных абстракций.

В последние лет десять-пятнадцать активно развивается идея существования так называемых общенаучных категорий. По сложившимся представлениям именно общенаучные понятия играют роль посредствующего звена между категориями философии и конкретно-научными теориями. Одноплоскостно-категорийную философию выручают из затруднительного положения общенаучные понятия, предоставляя ей необходимые приводные ремни для того, чтобы заставить действовать механизм собственно научного познания.

Нет необходимости а limine отрицать саму идею общенаучных категорий, как невозможно закрывать глаза на очевидное существование таких мощных обобщающих теорий, как кибернетика, теория информации, общая теория систем... Однако можно показать, что значительная часть этих категорий представляет собою не что иное, как философские предикабилии. А отсюда, самое меньшее, следует, что должно быть существенно пересмотрено отношение между общенаучными категориями и философией. Но прежде чем мы приступим к более конкретному рассмотрению возникающих возможностей, обратимся к кантовскому учению о предикабилиях.

Иммануил Кант о предикабилиях. Как известно,

Кант переосмыслил понимание категорий, данное Аристотелем, еще более решительно пересмотрел аристотелевское учение о предикабиях. Если у Аристотеля категории выражали фундаментальные грамматические отношения языка, то Кант прочно связал их с основными логическими отношениями, представленными в суждениях различных видов. А это значит, что немецкий мыслитель категории коррелировал с процессами теоретизированного мышления, тогда как у Аристотеля они были соотнесены с мышлением вообще, с обыденным сознанием. Ведь язык — универсальное средство сознания, тогда как логика, выделенные логические отношения языка — средство систематизированного, теоретически упорядоченного мышления, то есть, прежде всего, научного познания. Сам философ писал, что «отыскание в обыденном познании тех понятий, которые... встречаются во всяком опытном познании», как и «отыскивание в каком-нибудь языке правил действительного употребления слов вообще и, следовательно, собирание элементов грамматики (оба изыскания... очень близки между собой)» (4(1), 143), — занятие малоэффективное, так как оно не вооружает нас знанием, как искать такого рода понятия и сколько таких понятий должно быть найдено.

Кантова система категорий широко известна, она много анализировалась в прошлом, продолжает критически рассматриваться и в настоящем. Однако редко обращается внимание на тот факт, что система категорий у Канта не есть «полная система трансцендентальной философии» (3, 176). Для того чтобы быть таковой, система категорий должна быть существенно дополнена. Автор системы пишет, что «категории как настоящие основные понятия (Stammbeuriffe) чистого рассудка имеют также столь же чистые производные от них понятия, которые никоим образом не могут быть пропущены в полной системе трансцендентальной философии...», — и продолжает: «Да будет позволено мне назвать эти чистые, но производные рассудочные понятия предикабиями чистого рассудка (в противоположность предикабиям)» (3, 176).

Сам И. Кант считал, что, «обладая первоначальными и основными понятиями, нетрудно добавить к ним производные и подчиненные понятия и таким образом представить во всей полноте родословное древо чистого рассудка» (3, 176), с чем согласиться нелегко, — задача эта вовсе не тривиальная и вряд ли поддается чисто комбинаторному решению, на котором, как на первый взгляд кажется, настаивает Кант. Он считает, что «полный словарь этих понятий... не только возможен, но и легко осуществим. Рубрики его уже имеются, остается только заполнить их, ...нетрудно найти соответствующее каждому понятию место, а также заметить еще незаполненные места» (3, 177). Хотя и впрямь нетрудно построить все возможные сочетания из 18 категорий (с учетом наличия коррелятов у динамических

категорий) по две или три, но каждая предикабилиа — результат уникального синтеза. Кант эту необходимость синтеза видит прекрасно, потому и понимать мыслителя следует так, что сравнительно нетрудная комбинаторика — это еще не все: легко сыскать место для каждого понятия, но не сами понятия. Дедуктивно-комбинаторная процедура синтезирования категорий для получения от них предикабилий как производных понятий детерминируется весьма сложной предварительной индуктивного характера деятельностью специально научного познания. Делом нетрудным такая процедура кажется только *post factum*, в условиях последующего анализа.

Относительно способов получения предикабилий Кант писал, что они производятся из категорий «путем соединения их или друг с другом, или с чистой формой явления (пространством и временем), или с их материей, поскольку она еще не определена эмпирически (предмет ощущения вообще)» (4(1), 144—145), то есть таких способов три: 1) синтез категорий (см. также 3, 176—177); 2) синтез категорий с пространством-временем как априорными формами чувственности; 3) синтез категорий с материей как предметом ощущений вообще.

Что касается первого способа синтезирования предикабилий, то надо отметить, что синтезирующиеся категории должны принадлежать различным классам и по возможности различным разделам, то есть математическому и динамическому разделам (см. 3, 178). Согласно Канту, любой класс категорий является тернарным, а синтетическая категория любого класса будет простой, а не производной, предикаментом, а не предикабилией. И если, как пишет Кант, «соединение первой и второй категории, образующее третье понятие, требует особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории» (3, 178), то тем более особого акта рассудка требует порождение предикабилий.

Второй способ получения предикабилий — синтез категорий с пространством и временем как чистыми формами чувственного созерцания — есть не что иное, как трансцендентальный схематизм. Предикабилии этого рода тождественны важнейшим трансцендентальным схемам. Это наше наблюдение (сам кенигсбергский мудрец нигде ничего об этом тождестве не пишет, не отмечено оно и в многообразной кантоведческой литературе) говорит о том, что предикабилии Кант рассматривает в качестве важнейшего средства связи философии с теоретическим естествознанием, а через него и эмпирической наукой. Последняя же абсолютно невозможна без опоры на математику и, следовательно, на формы чувственного созерцания. В «Метафизических началах естествознания» обстоятельно развивается мысль, что «возможность определенных природных вещей не может быть познана на основе одних лишь понятий, ведь на основе их может быть, правда, возможность мысли (ее непро-

живоречивость), но не возможность объекта как природной вещи, который мог бы быть дан вне мысли (как существующий). Следовательно, чтобы познать возможность определенных природных вещей, стало быть познать их а priori, требуется еще, чтобы было дано соответствующее понятие априорное созерцание, т. е. чтобы понятие было конструировано. Но познание разумом, основанное на конструировании понятий, есть познание математическое» (6, 59). Кант понимает, что философское знание непосредственно присутствовать в своем категориальном виде даже в области теоретического естественно-научного знания не может, не говоря уж об эмпирическом. Его присутствие опосредствовано предикабилиями, в содержании которых синтезированы категории.

В этом контексте весьма интересен третий способ синтеза категории предикабилий, заключающийся в соединении категорий с «материей, поскольку она еще не определена эмпирически», с «предметом ощущения вообще» (4(1), 145). Материя, не определенная еще эмпирически, есть вещь в себе как средство аффицирования нашей чувственности. Это первая космологическая идея нашего разума из системы космологических идей, а как таковая она тесно связана с пределами возможного опыта (см. 3, 499; 6, 63), чем подчеркивается, что теоретический разум, конкретизируя рассудочные категории, направлен только на объекты возможного опыта и не имеет никакого отношения к миру трансцендентальных объектов¹².

Некоторые из предикабилий Кант приводит в комментарии к «Таблице категорий», предлагая «добавить, например, к категории причинности предикабилии силы, действия¹³, страдания, к категории общения — предикабилии присутствия, противодействия, к категориям модальности — предикабилии возникновения, исчезновения, изменения и т. д.» (3, 176).

Если попробовать реконструировать перечисленные Кантом предикабилии, то понятие *сила* можно рассматривать как результат синтеза категории *причина* с категорией *субстанция в пространстве*, т. е. материей» (6, 107), иначе говоря, сила есть материальная причина. Помимо категорий, в данном синтезе участвует априорная форма чувственности — пространство. Среди важнейших сил Кант выделяет силы притяжения и отталкивания (см. 6, 108), а понятия *притяжение* и *отталкивание* являются конкретизацией предикабилий *действие* (*actio*) и *страдание* (*passio*). Предикабилия *действие* — это причинение одной субстанцией состояния другой, то есть синтез категорий *причина*, *субстанция* и *множественность*, а предикабилия *страдание* — это зависимость состояния одной субстанции от другой, то есть синтез коррелятивной по отношению к причине категории *зависимость* с категориями *субстанции* и *множественности*¹⁴.

Предикабилия *присутствие* у Канта с необходимостью восходит к категории *общение*, без общения было бы разрушено

единство опыта и стали бы возможными чудеса: «...только посредством своего взаимного влияния материя может обнаружить свое одновременное существование и вместе с тем (хотя только опосредствованно) сосуществование самых отдаленных предметов» (3, 277). Вместе с категорией *общение* эта предикабилия содержит категории *субстанция*, *множественность* и чистую форму чувственности — пространство. Предикабилию *противодействие* можно рассмотреть как синтез категорий *общение*, *субстанция*, *множественность* и *ограничение с пространством и временем*.

«Предикабилии возникновения, исчезновения, изменения и т. д.» (3, 176) относятся не к субстанциям непосредственно, а к их акциденциям, так как изменение мыслимо только относительно сохраняющегося и постоянного (см.: 3, 256—258, 270—272)¹⁵. *Возникновение* как предикабилия может быть синтезировано из категорий *возможность* и *реальность*, а *исчезновение* — из категорий *существование* и *отрицание*. *Изменение* же — это синтез необходимости, общения и времени.

Предложенная реконструкция перечисленных Кантом предикабилей показывает, что названные выше три способа их конструирования не исключают друг друга, а различным образом сочетаются. По всей вероятности, в синтезе предикабилей могут принимать участие категории совместно с модусами чистой чувственности и идеей абсолютного целого всех явлений (предметом ощущения вообще).

Предикабилии и диалектическая логика. Большая и сложная эта проблема не может быть исчерпана одной статьей, и самое большее, что можно здесь сделать в ее первоначальном исследовании, — это обозначить направление последующих дискуссий и усилий, если вопрос и в самом деле того стоит.

Во-первых, формальное различие категорий и предикабилей заключается в том, что первые — простые, а вторые — сложно-синтетические понятия: содержание первых исчерпывается единственным отношением, вторые же объединяют в своем содержании два или более отношения. Поэтому следует различать первичный (эндогенный) синтез категорий и вторичный (экзогенный) синтез предикабилей. Первичный синтез — это синтезирование двух противоположных (контрарных) понятий в третьей категории, то есть дополнение бинарности до тернарности категорий, о чем писал еще Кант. Таков синтез в категории *мера* категорий *качество* и *количество*, впервые выполненный Гегелем; таков же синтез категории *структура* (на основе категорий *система* — *элемент*). Триаду *система* — *элемент* — *структура* следует рассматривать в качестве категорий потому, что это простые и самодостаточные понятия, определение которых осуществляется традиционным для тернарных категорий способом. Своеобразен такой эндогенный синтез категорий *ве-*

роятность, который дополняет до триад две бинарные группы категорий: *необходимость* — *случайность* (при экстенсивной познавательной ситуации) или *возможность* — *действительность* (при интенсивном подходе к ситуации), то есть имеют место две тройки категорий из пяти элементов:

действительность
необходимость — *вероятность* — *случайность*
возможность

Вторичный синтез предикабилей — это синтезирование двух или более категорий из различных групп, не связанных контрарными отношениями. Поэтому предикабилей могут существовать в виде одиночных понятий, не образуя пар или троек, хотя вполне могут быть и парные предикабилей, а могут быть и тернарные. Например, понятие *функция* есть предикабилия, объединяющая категории *цель* (из тройки *цель* — *средство* — *результат*) и *структура* (из триады *система* — *элемент* — *структура*). Взаимодействие двух групп этих категорий порождает понятие функции как цели структуры. Математическое понятие «функция» подчинено предикабилей *функция* как философскому понятию, поскольку обнаружение зависимости между двумя множествами — это способ задания третьего множества, которое и будет целью структуры, то есть функцией.

Одна из важнейших предикабилей — *отражение*. Чрезвычайно часто ее называют и относят к категориям¹⁶, но понятие это не обладает парностью, определение его по принципу определения категорий невозможно. Причисление таких понятий, как *отражение*, к числу категорий делает понимание категорий неопределенным, устраняет важнейшие признаки категорий. Как предикабилия *отражение* представляет собой синтез категорий *тождество*, *следствие* и *взаимодействие*, то есть отражение — это тождественное следствие взаимодействия. Именно так можно суммировать, например, следующее типичное рассуждение: «Под отражением мы понимаем способность материальных объектов изменяться в соответствии с внешним воздействием, т. е. путем преобразования собственных свойств и структуры воспроизводить особенности воздействующего, или отражаемого, материального объекта. В этом определении важно выделить два момента: во-первых, отражение всегда предполагает взаимодействие отражающего и отражаемого материальных объектов... Во-вторых, изменения, возникающие в отражающем объекте, в той или иной мере адекватны специфике отражаемого. Отражение имеет место только тогда, когда налицо единство обоих моментов»¹⁷.

Постоянно относятся к общенаучным категориям такие понятия, как *информация* и *модель*¹⁸. На наш взгляд, это типичные предикабилей, ибо информация есть мера различия систем, а модель — мера их тождества. В этих предикабилиях синтезируются такие категориальные ряды, как *система* — *элемент* —

структура, тождество — различие — противоположность и качество — количество — мера. Обе эти предикабилии сопряжены друг с другом так, что образуют пару взаимоисключающих и в то же время взаимодополняющих понятий. Эта их взаимосвязь достаточно отчетливо обнаруживается только при условии представления их в качестве предикабиллий.

Как уже говорилось, возможны пары предикабиллий, аналогичные парным категориям, связанным отношением контрарности. Таковы, например, предикабилии *симметрия — асимметрия*, которые в настоящее время рассматриваются либо как категории¹⁹, либо в качестве общенаучных понятий²⁰. Г. Вейль в своей известной книге «Симметрия» понимает под симметрией «инвариантность некоторой конфигурации относительно определенной группы преобразований (группы автоморфизмов)»²¹. Ю. А. Урманцев дает симметрии такое определение: «Симметрия — это категория, обозначающая сохранение признаков «П» объектов «О» относительно изменений «И»²². В этих и других аналогичных определениях выделяются в качестве важнейших элементов содержания данных понятий два момента: 1) изменение — сохранение и 2) система — хаос. Оба эти момента — весьма существенные категории философии, которые, сочетаясь в синтетическую целостность, и производят предикабилии *симметрия — асимметрия*. Симметрия — это системное изменение, тогда как асимметрия — сохранение хаоса.

Однако нет необходимости множить примеры предикабиллий и производить их аналитическое разложение, поскольку мы не ставим перед собой цель дать сколь-либо полный перечень этих философских понятий. Такую задачу, как одну из важных для диалектической логики, еще предстоит решить. Проблематика, связанная с предикабиями, на наш взгляд, призвана сблизить диалектическую логику с таким разделом знания, как логика и методология научного познания, более основательно связывая его с философией.

Предикабилии — следующий за категориями по содержательной абстрактности уровень понятий нашего сознания, что же касается их объемов, то объем предикабиллий практически неотличим от объемов категорий, поскольку последние неопределенно бесконечны. Существует мнение, что общенаучные категории (мы же рассмотрели эти понятия как предикабилии) не достигают такой широты в своем употреблении, как категории философии. В частности, они не используются за пределами научного познания, в обыденных и других аналогичных актах мышления, что лишает их возможности представлять теорию познания и логику²³. Вопреки таким представлениям нам кажется, что предикабилии преломляют в своем содержании единство диалектики, логики и теории познания, что делает их важнейшими принципами не только научного, но и общечеловеческого мышления во всех его проявлениях и формах с тем

существенным отличием, что относительно категорий признание этого момента давно стало общим местом, тогда как относительно предикабилий это еще надо доказать.

Возьмем предикабилию *модель*. На наш взгляд, еще древнейший мифологический принцип «все во всем» говорил об универсальной модельной видимости мира. На протяжении веков и тысячелетий человек был моделью всего космоса, антропоморфизация пронизывает как научное, так и обыденное и художественное мышление вплоть до эпохи Возрождения. Модель лежит в основе рассуждения по аналогии²⁴, она верно служит человечеству в таком фундаментальном мыслительном акте, как метафора. Когда, например, механизатор вместо молотка пользуется гаечным ключом, он использует схему модельного отношения и может при этом абсолютно ничего не ведать о таком отношении. Такое подсознательное владение схемами деятельности говорит о том, что они являются «фигурами логики» и что «фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу миллиардного повторения»²⁵. Разумеется, не все предикабилии укоренены столь же прочно и широко; однако то же характеризует и сами категории философии, поскольку в ходе истории философия обогащается все новыми категориями и приобретает все новый и новый вид с каждым достаточно существенным научным открытием.

Предикабилии, и это вполне естественно, играют самую существенную роль в деле углубленного проникновения в субъект-объектные отношения на современном этапе их развития, оказывая существенное воздействие на уровень рассмотрения основного вопроса философии. Не случайно приходится вести страстные дискуссии то о философском статусе кибернетики (природе феномена управления), то о природе информации, организации, функциональности и прочих сторонах материального мира, которые не проходят бесследно для фундаментальной гносеологической проблемы.

Весьма важно, что идея предикабилий способна противостоять рецидивам индуктивистско-эмпиристского подхода к пониманию проблем развития как общенаучных теорий, так и категорий философии, против которого начал борьбу еще сам Кант. Из его идеи направляющей роли априорных структур в процессе познания вырос диалектический принцип обочаривания метода, онтологическим основанием которого служит активность высшего уровня в развитии системы по отношению к низшему. Выражением этого принципа является закон опережающего философско-методологического обеспечения развития научного знания.

Процесс становления общенаучных категорий может представляться так, что они последовательно поднимаются по ступенькам абстрактности, начиная с локального уровня, переходя

на региональный и достигая, наконец, универсального. Однако каждый шаг в этом направлении канализирован соответствующими философскими принципами, рождающими на встречном движении ту или иную предикабилию. Индуктивные поиски генерализации понятий и теорий вызывают встречные дедуктивные по своей природе акты работы философского сознания: и на уровне предельно допустимого научного обобщения синтез науки и философии находит выражение в возникновении предикабильей. Простая комбинаторика философских категорий, не вызванная поисками научной генерализации, бесплодна, потому что беспредметна; обобщение же научных теорий, не направляемое синтезируемыми из категорий предикабильями, слепо и лишено направления.

Таким образом, с этой точки зрения, одни и те же понятия выступают в двух обличьях: они одновременно принадлежат и науке, и философии. Будучи основой общенаучных теорий, предикабильи обнаруживают, прежде всего, свою гносеологическую функцию — функцию отражения свойств материального мира, которые в отличие от категориальных атрибутов можно назвать модусами. Вместе с тем предикабильи сохраняют и методологическую, и аксиологическую функции, демонстрируя свою философскую природу.

Эта ситуация — важное свидетельство против представления о непроходимой грани между наукой и философией, как она рисуется позитивистски настроенному сознанию. Диалектика требует, фиксируя различие между наукой и философией, усмотрения их тождества.

¹ См. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»// Полн. собр. соч. Т. 29: Философские тетради. С. 252.

² Ленин В. И. Конспект книги Лассалья о философии Гераклита// Там же. С. 314.

³ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»// Там же. С. 252.

⁴ См.: Ведин Ю. П. Значение Кантова учения о категориях// «Критика чистого разума» Канта и современность. Рига: Зинатне, 1984. С. 42, 49.

⁵ Например, есть попытки построения систем категорий диалектики из 20—30 элементов (см.: Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967; Зелькина О. С. Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970).

⁶ См., например: Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. В предлагаемой здесь системе содержится 138 категорий (в авторском понимании того, что такое категория).

⁷ Гражданников Е. Д. Метод систематизации философских категорий. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1985. С. 32.

⁸ См.: Чернов В. И. Анализ философских понятий. М.: Наука, 1966.

⁹ Наиболее обстоятельно этот вопрос рассмотрен, например, в кн.: Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969. С. 34—67.

¹⁰ Уемов А. И. Системный метод и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. С. 83.

¹¹ См.: Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. Здесь

продемонстрированы такие определения на примере категорий, которым и посвящена книга. Так, «отношением будет называться то, что образует вещь из данных элементов. Этими элементами в свою очередь могут быть свойства или другие вещи» (С. 51).

¹² О смысле вещи в себе как совокупности всего возможного опыта см.: Калинин Л. А. Понятия «вещь вообще» и «вещь в себе» и их роль в системе кантовского критицизма//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 3—11.

¹³ Следует отметить, что в переводе, данном в цитирующемся издании «Критики чистого разума», допущена определенная неточность: одним и тем же словом «действие» обозначена как категория *следствие* в «Таблице категорий» (см. 3, 175), так и предикабилия к категории *причинность* (3, 176). Перевод «действие» следует оставить за предикабилией *Handlung* (лат. actio), а категории *Ursache und Wirkung* (Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979. S. 150). перевести установившимся оборотом *причина и следствие*.

¹⁴ О причинах введения Кантом идеи множественности субстанций см.: Калинин Л. А. Кантова концепция развития и эволюционистская «диалектика» П. Тейяра де Шардена//Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1979. Вып. 4. С. 59—74.

¹⁵ По этому поводу Кант пишет: «...возникновение, как показано в первой аналогии, касается не субстанции (так как она не возникает), а ее состояния. Следовательно, это есть только изменение, а не возникновение из ничего. Если возникновение рассматривается как действие чуждой им (субстанции.— Л. К.) причины, то оно называется творением. Как событие среди явлений творение не может быть допущено, так как уже сама возможность его нарушила бы единство опыта» (3, 271).

¹⁶ Из бесчисленного множества примеров приведем лишь один: Материалистическая диалектика: В 5 т. М., 1982. Т. 2: Субъективная диалектика. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ См. авторитетную в этом отношении монографию: Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Категории современной науки. М.: Мысль, 1984,—по отношению к утверждениям которой наша идея предикабилий полемична.

¹⁹ См., например: Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии. М.: Мысль, 1974.

²⁰ См.: Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Указ. соч.

²¹ Вейль Г. Симметрия. М.: Наука, 1968. С. 33.

²² Урманцев Ю. А. Указ. соч. С. 9.

²³ В книге В. С. Готта, Э. П. Семенюка, А. Д. Урсула «Категории современной науки» утверждается, что общенаучные категории «в отличие от категорий философии не обладают логико-гносеологической универсальностью, не являются необходимыми элементами человеческого мышления» (с. 122; см. также с. 111—112, 230).

²⁴ См.: Уемов А. И. 1) Логические основы метода моделирования. М., 1971; 2) Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.

²⁵ Ленин В. И. Конспект «Науки логики». Учение о понятии//Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969. С. 198.